

ДМИТРИЙ МУРЗИН

Эта женщина придет, как зима приходит в город:
Снегом душу заметет и посеребрит виски.
И пальто само собой приподнимет хлипкий ворот,
Словно может защитить от ненастья и тоски.

Поздно, автор, слишком поздно.
Завертелся твой сюжет.
Он уже несет ей розы,
И назад дороги нет.

Все уже в ней сердцу мило,
Коготок уже увяз.
Автор ничего не в силах
Изменить на этот раз.

Всё на взводе, всё на нерве.
Поцелуев полон рот.
Только он совсем не первый,
Кто, как в пропасть, к ней шагнет.

Автор нагуляет проседь,
Но не выдержит — шепнет:
— Да она же тебя бросит!
Зачеркнет! Перелистнет!

Так и будет, так и будет,
Ты уж автору поверь...
И не станет бить посуду —
Просто выставит за дверь.

Автор спит, но ранит душу
Еле-еле слышный глас:
— Автор! Я тебя не слушал...
Автор! Что же ты не спас?...

Эта женщина придет для того, чтоб стать несчастной
И несчастье принести грациозно и легко.
Чтоб тебя испепелить, рассказав о свойствах страсти,
И оставить на губах поцелуев молоко.

Эта женщина придет, чтоб потом тебя оставить,
Чтоб уйти под снегопад и назад не посмотреть.
И останется тебе только мелочная память.
Только жить да поживать. Только губы утереть.

Двое спят, заснув на полуслове,
Не договорив, не дошептав,
Переутомленные любовью,
Пере-пере-пере-перестав.

За стеною замолчала вьюга.
Снег идет в крошечной тишине.
Спящие в объятиях друг друга
Мирно улыбаются во сне.

Ночь прошла, и посветлело небо,
На пол тень упала со стола.
Он проснулся и ушел за хлебом,
А она проснулась и ушла.

- Что-то рано ты ликуешь,
Рано екает в груди!
Так меня не завоеешь!
Ты по воздуху иди!

- Может, рано я ликую,
Может, и наоборот!
Но тебя я завоею! -
И по воздуху идет.

- Ты явился слишком поздно
И с другим мне хорошо!
А его - не держит воздух,
По которому он шел.

Обмани меня по-простому,
На каком-нибудь ровном месте.
Будто Кама впадает в кому,
Отражая бардак созвездий.

А когда буду рвать-метаться,
Улыбнись и скажи, что поздно,
Обведи меня вокруг пальца,
Заведи и оставь в трех соснах.

Дай мне вышептать твое имя,
Подпусти меня близко-близко,
Проведи меня на мякине:
Я устал от твоих изысков.

Жизнь похожа на монету:
Аверс там, а реверс здесь.
Счастье есть, а чая нету.
Счастья нет, а сахар есть.

Инь и ян не уживутся.
Решка заклует орла.
С голубой каемкой блюдце
Опустело. Все дела.

Счастья нет, и денег нету,
Кошелек пустой дотла.
Словно из ребра монеты
Эта женщина была.

Злой я был, когда, шатаюсь,
Брел домой по пустырю,
От обиды задыхаясь,
Нарываясь на зарю.

Злой я был и шел сквозь темень,
Как идет из раны кровь,
Проклиная место, время
И особенно любовь.

Ты таким меня застала
Ярость с пеплом и золой...
Улыбнулась и сказала:
«Успокойся. Ты не злой».

Мы шли с тобой, как ходят только дети,
Ладонь зажав запальчико в ладони,
Не чуя ни засады, ни погони,
Как водится, забыв про все на свете.

Мы шли с тобой, как ходят только дети
В какой-нибудь шекспировской Вероне,
Как будто бы нас время не догонит,
Как будто нет ни старости, ни смерти.

Впустую и погоня, и засада.
Мы знали, что не нужно торопиться.
Мы понимали: все идет как надо.

Улыбки освещали наши лица.
Мы шли с тобой, как дождь идет в Макондо.
Мы просто не могли остановиться.

Эта музыка - музыки для.
Для того чтоб вращалась Земля,

Для того чтобы розы цвели,
Чтоб хмелели, смелели шмели,

Чтоб прозрачный и призрачный весь
За деревьями прятался лес,

Чтоб, пробившись меж сосен и туч,
В паутине запутался луч...

А диктует мне весь этот свет -
Афанасий. Не факт, что не Фет.

НОВОЕ КИНО

Прогуляться выйти субботним днем,
Завернуть в кафе невзначай.
И давайте папе пива плеснем,
Маме с дочкой заварим чай.

Но в кафе какой-то холодный свет,
Пиво - теплое, чай - с тоской,
Потому решит семейный совет
Двинуть дружно в сад городской.

Там в саду стоит голубая ель,
Там когда-то белка жила,
Там в саду лошадка и карусель
И пинг-понговых два стола.

Продают какую-то ерунду,
Постоять - устроит цена.
Духовой оркестр в городском саду
Так хорош, словно завтра война...

Фото Владимира Воробьева